

О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений)

Жанна Жановна Варбот, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zhannavarbot@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170009959-3

АННОТАЦИЯ: История общества отражается в изменениях значений слов. Разные сферы функционирования языка и разные лексико-семантические группы слов реагируют на исторические явления в разной степени. Хотя названия частей тела считаются одной из наиболее устойчивых групп лексики, история слов обнаруживает и здесь изменения, обусловленные историческими событиями. В предлагаемой заметке рассматриваются подобные изменения в значениях слов *ноздря* и *ухо* и в образовании производных от них слов в русских говорах: *ноздря* и *ухо* отмечены как обозначения дерзких, смелых людей, нередко даже асоциальных. Производные слова *ухорéz* ‘лихой, отчаянный человек’, *ухорв́ан* ‘лихой, отчаянный молодой человек’ и *ноздрёвый* ‘каторжный’ вскрывают исторические истоки этих значений — бытовавшее в России вплоть до конца 18 в. наказание преступников уродованием и даже отрезанием ушей и надрыванием ноздрей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексика, семантика, диалекты, история языка, история общества

для цитирования: Варбот Ж. Ж. О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений) // Русская речь. 2020. № 3. С. 47–53. DOI: 10.31857/S013161170009959-3.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

From the History of the Russian Language

On Specific Meanings of Words *Nozdrja* and *Ucho* in Russian Dialects (On Social-Historic Aspect of Semantics Changes)

Zhanna Zh. Varbot, Vinogradov Russian Language Institut (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), zhannavarbot@yandex.ru

ABSTRACT: Shifts of lexical semantics often reflect social history. Different spheres of language functioning and different lexical-semantic groups react to historical events to a different extent. Although names of body parts are considered to be one of the most stable lexical groups, the history of some words in this group presents us with examples of semantic change caused by extralinguistic factors. The article deals with semantic change in Russian words *nozdrja* ‘nostril’ and *ukho* ‘ear’ and studies their dialectal derivatives. *Nozdrja* and *ukho* are used to refer to insolent, bold and even anti-social individuals, whereas the derivatives *ukhorez* ‘a reckless man’, *ukhorvan* ‘a reckless young man’ and *nozdrjovyi* ‘a convict’ point to historical sources of these semantic developments, namely, corporal punishment of criminals

by disfiguring or even cutting off their ears and by tearing their nostrils, practiced in Russia until the late 18th century.

KEYWORDS: lexicon, semantics, dialects, language history and social history

FOR CITATION: Varbot Zh. Zh. On Specific Meanings of Words *Nozdrja* and *Ucho* in Russian Dialects (On Social-Historic Aspect of Semantics Changes). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 47–53. DOI: 10.31857/S013161170009959-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00059 “Vocabulary of Slavic languages as a legacy and development of the Pre-Slavic lexical fund: derivational, semantic and etymological aspects of analysis in the lexicographic representation”.

Совершенно очевидно, что значения слов изменяются в диахронии в зависимости от истории общества и условий функционирования языка. Несомненно также, что влияние этих факторов по-разному сказывается на словах отдельных лексико-семантических групп и функционировании слов в различных формах общенародного языка: в литературной, разговорной, жаргонной, диалектной речи. Наиболее гибкой является разговорная речь, но весьма восприимчива к изменениям в социальной жизни также диалектная речь. Одной из наиболее семантически устойчивых групп слов считаются названия частей тела. Но история лексики дает интересные свидетельства вторжения исторических событий и в эту лексическую группу. Ниже рассматривается отражение одного из существенных фактов истории социальной жизни русского государства — форм наказаний — в развитии значений весьма ограниченной лексической группы — названий ноздри и уха — в русских говорах.

Части тела человека, особенно находящиеся на виду, естественно привлекают к себе особое внимание, если как-то отличаются внешне от наиболее привычных по форме, величине. Часто эти особенности отмечаются в производных образованиях: *вислоухий*, *долгорукий*, *пучеглазый*. Такой же принцип мотивации лежит в основе прилагательного *курносый*, восходящего к **корноносый* ‘коротконосый’. Нередко название части тела само употребляется для обозначения человека с подобной физической особенностью: например, в говорах отмечено *нос* как прозвище человека с большим носом — *Саша-нос* (влад., калуж.) [Филин 1986 (гл. ред.): 285].

Впечатление от необычной формы или величины носа иногда отождествляется с особенностями поведения или характера человека. Например, с особенно крупным или крючковатым носом может быть связано отмеченное в говорах употребление *нос* ‘о человеке, отличающемся своеобразием, гонором, упрямством’ (псков.), *с носом* ‘упрямый, капризный, с норовом’ (арханг., волог.) [там же]. Вероятно, *Нос* у Гоголя имеет те же ассоциативные корни.

В приведенных случаях переносного употребления названия *нос* источниками мотивации являются впечатления от физических особенностей этой части тела в бытовой и социальной среде.

Названия ноздри и уха в русских говорах также примечательны специфическими значениями — они стали обозначениями людей с особенностями характера и даже с асоциальным поведением: *ухо* ‘о смекалистом, расторопном человеке’ (влад., арханг., олон., курск., калуж.), ‘удалец, смелый человек’ (ряз., волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 277], *ноздря* ‘о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке’ (влад.), ‘о капризном человеке или животном’ (костром.), (бранно) ‘задиристый человек’ (калуж.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. Ср. также производные от *ухо*: *ухарь* ‘смелый, бойкий человек’ (тамб., олон., костром., влад. и др.), *ухар* ‘бойкий, удалой человек’ (ворон., смол., одесск.), *ухач* ‘отчаянный, смелый’ (казаки-некрасовцы, дон., р. Урал), ‘хитрец, мошенник’ (дон., ворон.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249, 250, 252]. Вероятно, некоторые из этих значений могут быть объяснены как следствие толкования способностей соответствующих органов чувств: относительно *ухо* ‘о смекалистом, расторопном человеке’ — ср. *ухо наставлять* ‘внимательно прислушиваться’ (волог.), *ухо вострить* ‘наблюдать, быть настороже’ (яросл.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 276–277], относительно *ноздря* ‘о капризном человеке или животном’ — ср. *ноздря* ‘о брезгливом, разборчивом человеке, животном’ (костром.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. Но из способностей органов чувств трудно объяснить появление семантики смелости, бойкости, задиристости, мошенничества, с одной стороны, и социальной несостоятельности — с другой стороны (см. *ноздря* ‘о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке’).

Разгадку отмеченных специфических употреблений названий уха и ноздри подсказывают производные от них слова: *ухорéz* ‘лихой, отчаянный человек’ (арханг., пск., твер., волог., перм., костром., тобол., енис., сиб.), ‘хулиган, драчун’ (волог., новг.), ‘шалун, проказник, сорванец; драчливый, задиристый парень’ (перм., вят., костром., волог., арханг., амур., забайкал. и др.), ‘вор, разбойник’ (карел., волог.), ‘головорез’ (перм., колым.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] с вариантом *ухарéz* ‘бойкий, удалой человек’ (костром., волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249], а также *ухорván*

‘лихой, отчаянный молодой человек; шустрый, смелый баловень’ (волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] и *ноздрёвый* ‘каторжный’ (забайкал., с пометой «в прежнее время» в материалах 1901 г.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. *Ноздрёвый* ‘каторжный’ непосредственно указывает на связь семантики смелости, бойкости, мошенничества у слова *ноздря* с каторжанами, а *ухорез*, *ухарез* и *ухорв́ан* обнаруживают связь этой семантики с видами физических наказаний, предшествовавших вплоть до конца 18 в. ссылке на каторгу, — надрезанием и даже отрезанием носа и ушей. См. в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина описание сподвижника Пугачева — Хлопуши: «нос без ноздрей», а также работавших над укреплениями Оренбурга «колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача». Ср. еще в «Замечаниях о бунте» А. С. Пушкина о подавлении Пугачевского восстания: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши».

Представляется возможным, что и фамилия *Ноздрёв* в «Мертвых душах» Гоголя отражает отмеченную особенность семантики *ноздря* — обозначение человека бойкого, задиристого, мошенника: гоголевский персонаж Ноздрёв отличается вздорным характером, склонен к произволу и даже насилию.

К слову *ухорез* могут восходить как его структурные преобразования диал. *ухорец* и *хорéц* ‘драчун, хулиган’ (ср. Прииртышье), ‘человек, способный на преступление’ (пск.), ‘удалец, молодец’ (свердл.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] с вариантом *ухарец* ‘дерзкий, злой озорник, хулиган’ (яросл., волог.), ‘бойкий, удалой человек’ (карел.), ‘веселый человек’ (сев.-зап.), ‘вялый, нерасторопный человек’ [СРНГ 48, 249–250] и далее *ухарь* ‘смелый, бойкий человек’ (тамб., олон., костром., влад., сарат., пенз., забайкал.), ‘поклонник, ухажер’ (волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 250] и *ухар* ‘бойкий, удалой человек’ (ворон., смол.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249].

Анализируемая специфическая семантика непроизводного *ухо* также, очевидно, вторична по отношению к *ухорез*, и можно предполагать, что *ухо* как обозначение смелого, дерзкого человека, склонного к мошенничеству, к асоциальному поведению, является обратным образованием от *ухорез*. Эта семантика также находит объяснение в социально-исторических условиях: прошедшие каторгу, тем более — с обезображенными ушами или ноздрями — люди настороженно, с подозрением воспринимались крестьянской и городской мещанской средой (к которой обычно исконно принадлежали) и действительно трудно вживались в нее, отличались нестандартным поведением, смелостью, дерзостью и под. Непосредственная связь *ухо* в специфическом значении и *ухорез* отмечена

в словаре В. Даля: «Ухо-парень, *ухорез*, лихой сорванец, молодец, смельчак, удалец» [Даль 1866: 479].

Обезображенные уши и ноздри как физический признак, служащий мотивационным основанием отмеченных употреблений слов *ухо* и *ноздры* для обозначения людей смелого, удалого и дерзкого, асоциального поведения, сопоставимы с величиной носа, которая может быть мотивационным основанием для обозначения поведения человека своенравного, упрямого, с гонором (см. выше). Но есть существенная разница между этими физическими признаками частей тела, а именно — в природе этих признаков: величина или форма носа обусловлены рождением и не связаны (во всяком случае, как правило) с социальным прошлым человека, тогда как изувеченные уши или ноздри человека — след историко-социальных обстоятельств, остававшийся знаком каторжного прошлого: см. диал. *урёз* ‘каторжник с клеймом’ (забайкал.) [Мызников 2014 (гл. ред.): 327]. Следует отметить, что речь идет о роли этих увечий в появлении специфических употреблений слов *ухо* и *ноздры* только по отношению к человеку и в определенных исторических условиях: см. выше словарную помету «в прежнее время» о прилаг. *ноздрёвый*. Самая ранняя лексикографическая фиксация слова *ухорез* принадлежит В. Далю (см. выше), то есть в 1866 г., а в художественной литературе (по материалам Национального корпуса русского языка) это слово впервые встречается в произведении П. И. Мельникова-Печерского «На горах» (Книга первая, 1875–1881 гг.).

Самый способ клеймения с помощью надреза на ушах известен в животноводческой практике: см. *ухорёзный* ‘скотина, меченная резанным ухом’ [Даль 1866: 480]. Как один из видов наказания, повреждение ушей и носа человека применялось, очевидно, с древнейших времен, см. в Евангелии от Иоанна (гл. 18, ст. 10, о попытке апостола Петра помешать пленению Иисуса): «Петр, имея меч, извлек его и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо»; в древнеславянском памятнике «Закон судный людям», дошедшем до нас в древнерусских списках XIII в., сообщается об отрезании носа «по закону людьскому» [Hauptová (hl. red.) 1997: 676, урѣзати].

Сопоставляя зафиксированные значения всех приведенных производных от *ухо*, можно проследить постепенное «стирание» следов «каторжного прошлого»: от ‘отчаянный, способный на преступление человек, разбойник, мошенник’ к ‘озорник’ и ‘смелый, бойкий человек, молодец’. Примечательно появление значения ‘поклонник, ухажер’ (для *ухарь*, см. выше): оно однотипно с ласкательным употреблением в разговорном языке (в обстановке ухаживания и даже по отношению к шаловливым детям) слов *разбойник*, *бандит*, *жулик*.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Общество Любителей Российской Словесности, 1866.
- Мызников С. А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 47. СПб.: Наука, 2014. 352 с.; Вып. 48. СПб.: Наука, 2015. 341 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л.: Наука, 1986. 360 с.
- Hauptová Z. (hl. red.). Slovník jazyka staroslověnského. T. 4. Praha: Academia, 1997. 1042 с.
-

References

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of live Russian language]. Vol. IV. Moscow, Obshchestvo Lyubitelei Rossiiskoi Slovesnosti Publ., 1863–1866.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 21. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 360 p.
- Hauptová Z. (ch. ed.). *Slovník jazyka staroslověnského* [Dictionary of Old Slavonic language]. Vol. 4. Praha, Academia Publ., 1997. 1042 p.
- Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 47. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2014. 352 p.; Iss. 48. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2015. 341 p.